Священник Серафим Галик – один в поле воин

беседовала Ирина Ахундова
Pravoslavie.ru, 13 августа 2014 г.

Одному Богу известно, сколько жизней спас отец Серафим, сколько часов, дней и месяцев провел этот многодетный батюшка, стоя перед абортарием, чтобы и в других семьях появлялись малыши. Как-то к нему подошла старая женщина и сказала: «Хорошо, что вы здесь стоите. Я убила своего ребенка и уже 40 лет плачу». Тому, чтобы таких женщин было как можно меньше, отец Серафим посвятил свою жизнь.

Священник Либор Серафим Галик

Батюшка, Серафим – это ваше имя с рождения?

Нет, мама дала мне чешское имя Либор. Фамилия – Галик. Либор – мое «гражданское» имя. И в протестантской церкви я был крещен как Либор, а потом, когда принимал Православие, священник сказал мне, что нужно креститься, и спросил имя. Я сказал: «Серафим», потому что очень почитаю преподобного Серафима Саровского. После крещения другие священники сказали мне, что не обязательно было опять креститься. Поэтому я использую оба имени – Либор и Серафим.

Отец Серафим, как давно вы занимаетесь деятельностью в защиту жизни

нерожденных детей?

В 2002 году я написал диссертацию в университете на богословском факультете об абортах и демографических проблемах. Потом я встретился с одним священником из Нью-Йорка, который мне рассказал о своем опыте работы с абортариями и предложил попробовать сделать то же самое у нас в Чехии, в городе Брно. 8 мая 2003 года я молился: «Господи, дай мне сил не бояться людей, предавших Тебя и изменивших Тебе». Через три дня после этого священник Филипп Реилли из Нью-Йорка читал в Праге лекцию и сказал, что люди, которые захотят убить или убьют ребенка во чреве матери, обречены на вечные адские мучения. Эти слова взывали ко мне, к моей христианской совести. Филипп Реилли говорил: «Важно молиться перед больницами, где врачи убивают детей, чтобы мы напоминали о том, что там происходит». На вопрос: почему с самого начала эту духовную борьбу ведут так мало людей? – отец Филипп отвечал: «Это происходит потому, что люди боятся. Но Богородица и Иоанн-апостол были под Крестом. И мы должны быть там, где Крест».

Потом я вернулся в Брно, взял черную одежду священника и маленькую Библию, где были псалмы, и начал читать их перед больницей. В первый день ничего не случилось, во второй день ко мне подослали полицию. Я сказал, что защищаю женщин после аборта, у которых есть постабортный синдром. Потом ежедневно на меня насылали то полицейских, то различные СМИ: газеты, радио, телевидение. Они думали, что если по телевидению будут говорить обо мне плохо, то я испугаюсь и уйду. Но этого не случилось. Хорошо, что люди по телевизору видели, что какой-то священник говорит об аборте как об убийстве.

В первые месяцы, когда я возвращался из этой больницы, я очень уставал от плохих слов, плохих людей, прежде всего от работников больницы. Я чувствовал их твердые сердца. Из-за этого, когда я приходил домой, чтобы вместе с женой пообедать, я проваливался в сон на два часа. Потом уже не было такого, но вначале я терял все силы. Может быть, это было такое искушение от сатаны, что я чувствовал это зло больше, чем другие люди, те, которые мне помогали.

Потом было два первых марша в Брно. В первый раз пришло 50 человек, во второй – от 100 до 150. Потом участвовало 25, 20, 15 человек. В последние годы уже только 10 человек. В первый год эти марши были у нас каждые две недели. В начале была самая прекрасная пора, когда начальники и священники не говорили ничего против. Это было что-то новое. Наши чешские депутаты в это время хотели запретить аборты. Потом, может быть, через полгода или год после того, депутаты нашего парламента опустили руки. Своим плохим примером они влияли на остальных начальников, епископов и священников. Постепенно люди перестали помогать. Я продолжал ежедневную борьбу на улице, кроме субботы и воскресенья. Я думаю, было бы лучше, если бы с нашими депутатами не случилось того плохого, а потом и с начальниками, епископами, священниками. Если есть лидеры, защищающие жизнь, то миряне потом тоже будут защищать. А если лидеры молчат или они против (тайно против, не открыто), то погибает весь народ.

Марш в Брно

Мои друзья думали, что со мной придет тысяча людей, но не пришла. Это показало правду о том, какое христианство в моем городе, в нашей стране. Оно очень испугано, люди говорят о любви, но не хотят защищать любовь, если кто-то будет против них. Иисус Христос сказал, что в огненном озере будут люди, которые испугаются – это на первом месте, а потом другие грехи. Все грехи начинаются с этого. Когда апостол Петр сказал: «Я не знаю Христа», он боялся. Из этого греха, если бы он не покаялся, пришли бы другие грехи, было бы больше и больше грехов. Нам надо преодолеть наше грешное тело, грешное общество, победить его и потом одержать победу над сатаной и всеми бесами. Они тоже атакуют, но этого не надо бояться.

А как вы относитесь к союзу с католическими организациями в борьбе против абортов?

В этой борьбе надо сотрудничать с другими христианами, потому что это убийство. Чешская Республика исторически много столетий католическая, поэтому без сотрудничества с мирянами-католиками я ничего бы не сделал. Пролайферы-католики молились перед абортариями. У них католические молитвы. Но я использовал свои.

К вам применяли какое-то физическое насилие? Увечья наносили?

Наверное, раз пять. Сломали крест высотой в два метра. Потом я взял крест в три метра высотой, и его уже не сломали. У меня был мегафон на дереве, они сломали дерево, повредили мегафон. Они рукоприкладствовали, обливали краской, плевали на меня, обливали водой из шланга, но было жарко, поэтому ничего плохого не случилось.

Это было только три раза за 9 лет. Они говорили, что будут бить, хотели, чтобы я испугался. Перед приходом к этой больнице я молился ночью, чтобы Господь помог мне, чтобы я не боялся. Я молился, когда шел на эту улицу, чтобы этих людей не было там. И Господь подал мне знак: нужно идти, когда их еще нет. Потом, когда я приходил на эту улицу и они хотели меня бить, вдруг приезжал полицейский автомобиль, и они не могли бить. Так было несколько раз. Это было всегда случайно.

Вы говорили о политиках, которые не захотели вам помогать. Стоит ли выстраивать диалог с властью, какое-то взаимодействие с людьми, чтобы получить их поддержку?

Я знал только одного депутата нашего Чешского парламента, который со мной разговаривал и защищал меня перед моим епископом в то время, когда некоторые священники хотели, чтобы я прекратил эту деятельность. Под их влиянием епископ хотел запретить мне, потому что боялся, но депутат написал, что это хорошо, и поэтому мой епископ не запретил.

Однажды люди из Словакии захотели, чтобы я поехал вместе с ними на автомобиле по словацким городам и говорил перед больницами в Словакии в мегафон, показывая большие фотографии убитых детей. В одном городе это показали по телевидению, и это видели словацкие православные епископы. Один архиепископ испугался и сказал моему епископу в Чешской Республике, чтобы я никогда не ездил в Словакию и не говорил ничего против абортов. Мой епископ боялся архиепископа и сказал мне, что я не могу ездить в Словакию. Когда тот архиепископ умер, был поставлен другой, и мой епископ сказал, что теперь я могу ехать в Словакию и говорить против абортов. Так бывает. Иногда даже смерть помогает.

В Священном Писании сказано, что надо нам рожать детей, чтобы нас было много. Боюсь, что если человек просто не хочет иметь детей, то он тоже будет наказан адом. Но за убийство приходит наказание войной, потому что когда кровь человеческая пролита, будет пролита кровь этого убийцы. Это Господь сказал. Это значит, что вслед за убийством ребенка будет война. И чтобы избежать войны или смертной казни от Господа, нам надо бороться против абортов, чтобы родились дети. Сегодня люди верующие не верят Господу, что у них будут деньги на жизнь детей, что у них будет большая квартира и так далее. Они забыли, что у их предков квартиры были меньше, было меньше денег. Этому надо учиться, это жизнь в вере.

Мне кажется, что надо больше сил тратить на профилактику абортов, то есть на воспитание детей. Очень мало священников рассказывают о вреде абортов, о том, как их не допустить. А вот греческий монах митрополит Арголидский Нектарий (Антонопулос) не боится даже с детьми 8–9 лет говорить на эти темы. И дети запоминают эти беседы на всю жизнь. Был ли у вас подобный опыт работы с детьми?

На маршах против абортов мы всегда с детьми. Это мои дети и дети из других семей. Они видят фотографии убитых детей и спрашивают: «Что это? Кто это?» Они уже с детства знают, что аборт – это убийство. Думаю, что все дети должны это знать. Если возможно в приходах говорить об этом, то пусть все священники говорят, если в

школах – пусть в школах. Школа – это не так страшно.

Часто батюшки жалуются на нехватку времени, но это важное дело, и нужно найти на него время.

Сколько прихожан в церкви? Если некоторые семьи хотят идти в школу – пусть идут. Может так случиться, что одного священника не хватит на много людей, но есть другие люди, которые могут помогать этому священнику.

А сколько женщин вы отговорили делать аборты?

Однажды я говорил с двадцатью женщинами, которые мне сказали, что они благодарят меня, что они не будут делать аборт. Эти женщины говорили открыто, другие не говорили ничего, поэтому я не знаю, помог кому-то или нет. Это тайна Господа, Он знает – я не знаю. Но надо выступать против абортов. То, что это убийство, видно на фотографии младенца во чреве матери. Даже атеист видит убийство. В России даже атеисты против абортов. Потому что они не хотят, чтобы был геноцид русского народа. Они видели фотографии и говорили: «Да, это убийство». Прежде не было таких фотографий, но теперь для материалистов, для атеистов есть свидетельство – эти фотографии.

Путь к Православию

Отец Серафим, а как вы пришли к Православию?

К Православию я шел долгой дорогой – через протестантизм и католицизм. Это было легче для меня, так как одно было немножко похоже на другое. У меня не было знакомых людей, которые были бы православными. Я родился в 1966 году в Праге. Сейчас я священник Православной Церкви. У нас с женой шестеро детей. Когда я родился, родители меня не крестили. Они в то время были атеистами. Мальчиком я никогда не участвовал в религиозных обрядах, не был ни в какой церкви – ни в православной, ни в католической, ни в протестантской. Может быть, приезжая в какой-то город, где была старинная церковь, я заходил туда как турист, но на богослужении никогда не был. Однажды я встретился с протестантской группой, и мне сказали: «Если хочешь верить в Господа, помолись, и, может быть, Господь покажет тебе Себя, что Он есть». До 1984 года не верил в Господа и не держал в руках ни Библию, ни Коран, ни другие религиозные книги.

Помню, как примерно до шести лет я вместе с мамой, бабушкой и сестрой бабушки молился: «Ангел мой хранитель, храни мою маленькую душу, чтобы всегда добрая была, Господа Бога любила. Душу и тело храни, ангел мой хранитель». Страдание после развода моих родителей вынуждало меня к размышлениям: есть ли Бог, или Он только сказочное существо?

Потом кто-то мне сказал, что в основе всего, что существует, должен быть Кто-то, что это Начало всего. Я понял, что, может быть, это Господь. Но я не хотел общаться с Господом. Я не хотел говорить «пожалуйста» кому-то незнакомому, чтобы потом не говорить «спасибо». Но когда в 17 или 18 лет мне было плохо и я не мог спать, я решил, что скажу что-то Господу и потом скажу «спасибо». Однажды ночью, когда уже все

ушли спать, я пошел в темный подвал и, стоя там, говорил: «Господи, если существуешь, помоги мне!» Я не увидел никого, но почувствовал, что кто-то взял меня на колени, чтобы я не стоял, как какой-то господин, но чтобы я был на коленях. И я почувствовал тогда огромную любовь ко мне еще неизвестного для меня Господа. Я не видел Его, но чувствовал, что это, возможно, ангел взял меня на колени. И почувствовал в своем сердце, что Господь любит меня больше, чем мои мама, папа и другие, больше, чем кто-либо из людей, гораздо больше, чем матери любят своих детей. С этого момента я уже знал, что Господь есть, что Он любит меня, что хорошо быть с Господом. Так я перестал быть атеистом в 1984 году.

А до этого момента вы думали о Боге, о смысле жизни? Как вы относились к людям, которые ходили в церковь, верили в Бога?

Я верил в эволюцию, в то, что мы произошли от обезьян. Я не встречался ни с одним верующим школьником в основной школе. Когда я учился в средней школе (с 15 до 18 лет), слышал, что в моем классе среди 25 школьников есть, может быть, три-четыре верующих. Но они не говорили о Господе, говорили между собой, что есть церковь, кто-то посещает ее.

Вы были и протестантом, и католиком, но пришли к Православию. Долгим был ваш путь к Православию?

Однажды, когда я был в лесу и смотрел на птиц, мне надо было переплыть через реку. Я не знал, что там была плотина, что там спускают воду, и зашел в эту реку, когда они открыли плотину и пошла вода. Вода подхватила меня. А в воде были большие деревья. Я был под этими деревьями и не мог дышать. Я знал, что умру, но не хотел умирать и сказал: «Господи, помоги мне! Если Ты поможешь мне, я буду Тебя слушать». Он спас меня, я жив. Потом я сказал об этом протестантскому священнику и чтобы он крестил меня, и я стал протестантом.

Я не знал ничего другого. У меня был один друг протестант, он меня познакомил с другими друзьями. Я не знал историю, не знал, какая разница между протестантами,

католиками, православными, не знал ничего. Я только взял Библию в руки, и печаль ушла. Я не понимал слов. Но после того, как меня крестили, я, читая Библию, начал понимать. Это было для меня как пища. Я всё время читал, у меня всегда в кармане был Новый Завет. Моя мама очень боялась, что я стану католическим священником, ведь они живут без жены, без детей. Когда она увидела, что я читаю Библию, она бросила ее через всю комнату. Я читал Новый Завет тайно в месте, где было возможно закрыться на ключ, – это был туалет. Когда я хотел читать Библию, я должен был идти в туалет и там закрыться, чтобы мама не видела. Я прочитал весь Новый Завет, запираясь в туалете.

Я увлекался биологией и сначала думал, что возможно соединить эволюцию и веру в Господа. Когда я начал читать Ветхий Завет о потопе и другие книги, я увидел, что невозможно верить в Ветхий Завет и в эволюцию. Я уже учился в университете биологии на первом курсе, но ушел оттуда. Это было уже к концу первого года. Я ушел из университета, и уже через 14 дней меня взяли в армию на два года.

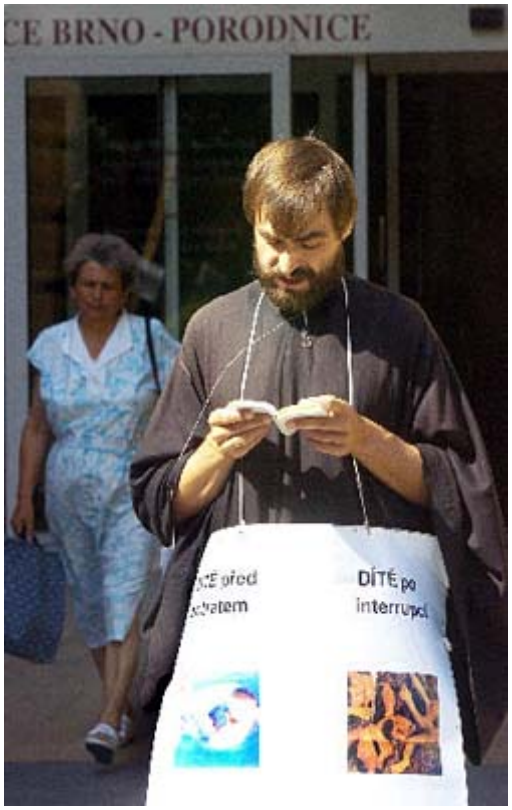
«Я боялся идти в церковь, где уважается Богородица»

В 1988 году в последние полгода в армии меня два раза отправляли в психиатрическую клинику, потому что я говорил солдатам о Господе, и они думали, что я ненормальный. Но ничего плохого и больного не было у меня, и меня вернули из больницы в армию. Но в армию меня не хотели брать и отправили туда, где не было солдат, а был уголь. В это время я был протестантом, а протестанты не уважают Богородицу. Католики и православные уважают Богородицу. Поэтому я боялся идти в церковь, где уважается Богородица. Я очень осторожно шел в ту церковь. Потом я начал верить, что это не грех – почитать Богородицу. Я, протестант, хотел стать католиком.

Потом я встретился с человеком, который сказал, что он православный, но больше не сказал ничего. И я захотел знать больше об этом учении. От одного человека узнал, что в Словакии есть богословская школа, где можно учиться православному богословию, где скажут, что такое Православие. И меня взяли туда. В 1994 году я принял Православие. Через год мне дали священнический сан и приход очень далеко от моего города Брно, на границе с Польшей. Это было очень тяжелое время.

Там не было ни одного православного?

Ни одного. Там были чехи, которые мне сказали: «Батюшка, нам не надо посещать церковь. Священник, который был перед вами, помолился только “Отче наш” и уехал домой. Сделайте то же самое и вы, нам не надо Литургии Священной». Но мне говорили, что надо, чтобы каждое воскресенье была Святая Литургия. Они: «Нет, не надо, хватит один раз в месяц».



Батюшка, вы говорите, что в Чехии очень мало священников. А есть ли у вас духовник? И много ли духовных чад?

Человека, который мог бы быть мне примером, у меня нет. Моя паства мала – это моя семья, и была еще другая семья – адвентистов, которые стали православными. Но потом они обиделись на меня из-за своего больного сына, у которого плохие оценки в школе. Они хотели совета от католического священника. И он им сказал, что надо идти в психиатрическую больницу. Я говорю им: «Не ходите, я работал в психиатрической больнице, это плохой опыт у меня». Я там работал полгода, когда еще не был священником, видел этих людей. Я не верил, что таблетки могут помочь.

Батюшка, очень тяжело жить с неверующими родными, их очень жалко, но сделать ничего нельзя. А ваши родные – верующие?

Когда я сам уверовал, то стал бояться, что мои родители, брат, сестра – все попадут в ад. Очень этого боялся и начал молиться за них, постился, не ел еду никакую. Продолжал молиться за них и в армии. Однажды во время каникул в армии я приехал домой к маме и молился за нее, за брата с сестрой, чтобы они начали верить в Господа, чтобы они не попали в ад в будущем. И вдруг я слышу голос, который сказал мне: «Попроси хоть что-нибудь», – и я сказал: «Господи, пожалуйста, чтобы мои родители, брат, сестра и другие были спасены, чтобы они уверовали в Тебя и не попали в ад». С этого дня я больше не боялся. Очень много лет прошло, прежде чем мой папа начал верить в Господа. Но вспомните, например, блаженного Августина. Его мама была христианкой, а папа не был христианином, он запретил крестить сына. Святая Моника молилась за своего мужа, за своего ребенка. И муж перед смертью начал верить в Господа, крестился. И сын тоже после 20 лет материнских молитв крестился, потом стал епископом, помог многим другим людям прийти к Господу.

Батюшка, можно узнать, на какие средства вы живете? Есть ли у вас какие-то пожертвования? Продаются свечи в храмах?

У нас в Чехии есть небольшое государственное жалованье. Если у человека нет храма – нет пожертвований, если есть храм, то есть пожертвования на свечи, но их очень мало, на это нельзя жить. Потому что, например, у нас в приходе может быть два-три человека или четыре-пять, очень мало. Даже на хлеб на неделю не хватит.

А сколько у вас детей?

Шесть детей.

Как же вы их растите?

На это небольшое государственное жалованье. Я не курю, не пью, у меня нет автомобиля, нет дачи.

Батюшка, а были ли у вас в молодости какие-то вредные привычки?

Нет, не было, я был правильным студентом. Я был атеистом. Победил в школе как самый хороший ученик. Был отличником.

А у вас не возникала мысль переехать в Россию, в Грецию, где все-таки больше уважения к священникам?

Я не знаю. Я посетил только Армению, но не знаю армянский язык. Два раза был в России – в Петербурге и Москве, на Украине был два раза.

А как вам удалось так хорошо выучить русский язык?

Я учился по скайпу. Глеб из Петербурга ежедневно разговаривал со мной по скайпу. Я много слушаю записи, жития русских святых. У нас нет православной литературы на чешском языке. Узнать о Православии можно только из католических книг. Я читал католические книги о Православии. Потом, когда уже был пролайфером, – русские.

Батюшка, а вы сами книги пишите?

Я написал дневник о своей борьбе против абортов, но он на чешском. Один человек, который со мной сотрудничал, сделал 300 экземпляров этой книги, я раздавал их потом своим друзьям.

Я знаю, что наша борьба против абортов – это не только борьба против чего-то плохого в нашем государстве, это борьба против тех, кто подготавливает власть антихриста. Как сказал старец Иосиф Ватопедский, готовится приход антихриста к власти, и будет большая война против семьи. Но Господь смилуется над нами.

Надо, чтобы Церковь была чистая, подготовленная для этой борьбы с антихристом. Сейчас, если бы была власть антихриста, сколько бы было мучеников? Большинство христиан сделали бы то же самое, что сделал апостол Петр, они бы сказали: «Не знаю Его», «Я боюсь». И что бы стало с ними потом во время антихриста, если они

испугались? Уже не будет прощения, не будет возможности пойти на исповедь. Поэтому Господь смилуется, по словам Иосифа Ватопедского. Во время этой войны враги жизни будут не соединяться, а наоборот – будут один против другого, погибнет много людей, но после этой войны будет лучше, потому что эти враги жизни будут убиты, они убьют один другого. Это такая надежда, но нет никакой радости, что будет какая-то война. Когда я познакомился с этой информацией, я очень испугался, потому что не хочу войны. Но святые отцы говорят, что, если бы не было этой войны, не было бы никакого покаяния. Теперь нет покаяния. Есть убийство детей. Люди идут в ад без покаяния, идут в ад навеки веков. С покаянием будет лучше. Поэтому такие ужасные события перед нами.

Эти старцы говорили, что надо бояться греха, чтобы не грешить. Теперь мы говорим открыто, что аборт – это убийство, показываем эти картины, эти фотографии. Как-то раз, когда я стоял перед больницей, ко мне пришла старая женщина и сказала мне: «Хорошо, что вы здесь стоите. Я убила своего ребенка и уже 40 лет плачу», дала мне деньги и сказала: «Продолжайте».

Раньше людям во время коммунизма говорили, да и сейчас говорят, что это не убийство, вы идете к врачу, всё хорошо. У вас болит зуб – вы идете к врачу. Поэтому люди думают: «Я хороший человек, я никого не убил». Но он убил и не хочет чувствовать себя убийцей. Когда он встретится с этой фотографией, увидит ребенка, который был убит во чреве матери, у него в голове мысль: «Я – убийца? Нет, я не хочу». Но потом, когда будет война, будут умирать люди, он может вспомнить, что видел кого-то с фотографией убитого ребенка, и теперь видит взрослых убитых, и подумает: «Я понимаю, это наказание от Господа, я убивал, теперь они убивают меня». Если бы у него не было этой информации, не видел бы он никогда этого ребенка на фотографии, у него не было бы способности покаяться, когда будет очень плохо, когда будет война. Я так думаю.